Въ защиту подлинности житія патріарха Игнатія и принадлежности его современному автору, Никитѣ Пафлагону.

«Псевдоникита Пафлагонъ и подложное житіе патріарха Игнатія». Таково въ переводѣ на русскій заглавіе предыдущей статьи, точно передающее ея содержаніе. Никита Пафлагонскій хотя и жилъ дѣйствительно въ концѣ второй половины IX-го вѣка и въ началѣ X-го, но онъ вовсе не былъ авторомъ біографіи нѣсколько старшаго, но еще современнаго ему патріарха Игнатія; она сочинена гораздо позднѣе, въ XIII, а не то въ XIV вѣкѣ отчасти при помощи старыхъ источниковъ, но не съ цѣлью возстановленія исторической памяти о прошломъ, согласно съ доступною правдою, а появилась какъ намѣренный, сознательный и злостный подлогъ, направленный къ посрамленію православія и къ защитѣ уже образовавшейся среди грековъ уніатской партіи. Только для того, чтобы придать нѣкоторую достовѣрность и авторитетъ своимъ выдумкамъ и клеветѣ противъ патріарха Фотія, защитника самобытности греческой церкви въ IX вѣкѣ, авторъ принялъ на себя личину писателя, преданнаго памяти его соперника, патріарха Игнатія, и при томъ ему современнаго. Однако, онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ явно проговаривается и обличаетъ свою принадлежность совсѣмъ другой эпохѣ. — Вотъ смѣлые тезисы, которые доселѣ никому не приходили въ голову, но выставляются и съ увѣренностью защищаются въ статьѣ Аѳ. Ив. Пападопуло-Керамея. Что всѣмъ разсказамъ житія Игнатія о патріархѣ Фотіѣ довѣрять нельзя, что это сочиненіе, приписываемое не безъ основаній Никитѣ Пафлагонскому, извѣстному писателю IX вѣка, тенденціозно, пристрастно, насквозь пропитано духомъ партійной и личной симпатіи къ одному и ненависти къ другому, что иной разъ оно прямо унижается до неразборчивой клеветы, — это давно признавали многіе

протестантскіе и православные историки; даже католическіе не обходятся иногда безъ оговорокъ при пользованіи этимъ источникомъ. Но съ другой стороны можетъ казаться, что именно страстность и страшная изобрѣтательность нападокъ обличаетъ личное раздраженіе современника, который имѣлъ возможность по пятамъ слѣдить за событіями, тщательно собирать всѣ слухи, съ жадностью ловить сплетни и т. д. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію и засвидѣтельствовано это и въ обширныхъ собраніяхъ церковныхъ актовъ, и въ сухихъ византійскихъ хроникахъ, и въ иныхъ современныхъ житіяхъ святыхъ, что борьба между Игнатіанами и Фотіанами волновала до дна все византійское общество сверху до низу, что борьба была напряженная и часто безпощадная къ личностямъ и особенно ихъ нравственной репутаціи. Сверхъ того, сочиненіе Никиты имѣетъ не мало случайныхъ частныхъ извѣстій и хронологическихъ указаній общеисторическаго характера, нигдѣ болѣе не повторяющихся или очевидно первичнаго происхожденія, и оказывающихся вѣрными и точными. Въ самое послѣднее время это обнаружилось по отношенію къ первому нашествію Руси на Грековъ. По хроникамъ привыкли относить этотъ фактъ къ 865 и 866 году, по Никитѣ Пафлагонскому выходило, что онъ приходится на 861 или 860 годъ; много было потрачено усилій для соглашенія двухъ показаній, а въ концѣ концовъ вновь отысканное византійское свидѣтельство просто и прямо рѣшило вопросъ въ пользу житія Игнатія, въ пользу 860 года. — Такимъ образомъ мы уже указали мотивы, которые заставили насъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ отнестись къ работѣ нашего уважаемаго сотрудника. Признаемся, что онъ повергъ насъ въ большое смущеніе своимъ первоначально устнымъ заявленіемъ о содержаніи статьи, которую онъ желаетъ напечатать въ Византійскомъ Временникѣ. Мы безусловно стояли за подлинность. Краткая бесѣда безъ текстовъ въ рукахъ не могла ни убѣдить одного, ни разубѣдить другого. Намъ, однако, показалось, что въ аргументаціи собесѣдника есть нѣчто такое, что заслуживаетъ вниманія; и мы съ нимъ сошлись на томъ, что его статья будетъ напечата съ оговорками и возраженіями редакціи. Если эти оговорки и возраженія выходятъ теперь нѣсколько обширными, то, надѣюсь, авторъ статьи на насъ не посѣтуетъ, а усмотритъ въ этомъ признакъ вниманія и уваженія къ нему самому, а также и къ читателямъ журнала, которыхъ мы не хотимъ сознательно оставлять въ сѣтяхъ заблужденія, все-таки могущаго оказаться вреднымъ.

Статья о Псевдоникитѣ начинается перечисленіемъ рукописей, въ которыхъ житіе Игнатія дошло до нашего времени. Нужно быть благодарнымъ автору за собранныя свѣдѣнія, но едва-ли и тутъ не скрывается нѣкоторая доза тенденціозности въ усиленномъ желаніи доказать позднее происхожденіе всѣхъ списковъ и вѣроятное происхожденіе ихъ отъ нынѣшняго Мюнхенскаго, который первоначально принадлежалъ кардиналу Виссаріону и по письму долженъ относиться къ XIV вѣку. Намъ кажется сомнительнымъ, чтобы Ватиканскій кодексъ, о которомъ говорилъ Алляцій, слѣдовало отождествлять съ нынѣшнимъ *Оттобоніанскимъ* (XVI в.); нужно было обратить вниманіе на показаніе Радера (перваго издателя житія), что для Анналовъ Баронія дѣлались извлеченія изъ сочиненія Никиты, при чемъ въ текстѣ оказывались варіанты противъ Баварско-Мюнхенскаго или виссаріоновскаго списка; равнымъ образомъ совершенно неизвѣстнымъ остается вѣкъ отмѣченной іерусалимскимъ патріархомъ Хрисанѳомъ рукописи житія, находившейся не въ лаврѣ св. Аѳанасія, какъ ошибочно показываетъ г. Пападопуло-Керамей (въ примѣч. на стр. 15), а въ Иверскомъ монастырѣ. Обращаемся къ разсмотрѣнію по существу самыхъ аргументовъ въ пользу подложности.

Во вступленіи къ житію авторъ повѣствованія о жизни Игнатія развиваетъ мысль, которая, будучи мало оригинальною, представляя довольно общее мѣсто, прилична все-таки только при такомъ положеніи, когда современникъ говоритъ о современникѣ или близко къ тому также къ современникамъ. Вообще, де, полезно излагать житія и подвиги святыхъ мужей, въ частности іерарховъ, стоявшихъ во главѣ церкви и подвергавшихся гоненіямъ, но особенно назидательны и поучительны примѣры, близкіе къ намъ по времени, ибо предъ ними само собою умолкаетъ отговорка, будто старинные люди обладали бо́льшими силами, чѣмъ современное поколѣніе и что подражаніе не будетъ соотвѣтствовать соразмѣрности средствъ. Авторъ поэтому избираетъ предметомъ своего труда жизнь патріарха Игнатія и желаетъ показать незнающимъ, чѣмъ онъ былъ, Игнатія — съ одной стороны самаго поздняго (изъ подвижниковъ или іерарховъ) по времени, а съ другой стороны — на цѣлое поколѣніе предварившаго своею извѣстностью нынѣ живущихъ людей [1]). При этомъ имѣется

1) Если ἀναδειχθέντα принять въ смыслѣ провозглашенія патріархомъ, 847 г., а поколѣніе считать, по обычаю древнихъ, въ 30 лѣтъ, то придется, что сочиненіе пи-

въ виду возстановить истину на основаніи писанныхъ и неписанныхъ достовѣрныхъ данныхъ, и во вторыхъ—переводимъ далѣе буквально, а греческій текстъ указываемъ на 19-й страницѣ у г. Пападопуло-Керамея,—«въ теченіи довольно долгаго времени сгустившееся облако невѣдѣнія, которымъ уже помрачается разумѣніе многихъ, разрѣдить и разсѣять, такъ чтобы желающіе могли направлять чистый взоръ къ самой истинѣ вещей, познать по истинѣ дѣлателя добродѣтели, его прославлять, ему соревновать, а виновника зла и неправды по достоинству отвергать» — (разумѣется Фотій). По мнѣнію А. И. Пападопуло-Керамея, если первая часть вступленія можетъ считаться подлинною, то есть, принадлежностью древняго неиспорченнаго и не восполненнаго произвольными вставками житія Игнатія, то послѣднія буквально приведенныя слова несомнѣнно обличаютъ фальсарія; къ нимъ нашъ изслѣдователь привязываетъ длинное разсужденіе въ томъ смыслѣ, что, по истеченіи трехъ или самое большее восьми лѣтъ отъ смерти Игнатія (обыкновенно принимается, что житіе написано Никитою Пафлагонскимъ около 885-го года), никакъ не могло произойти такого затемненія его памяти, о какомъ тутъ говорится, и что такія выраженія переносятъ насъ по крайней мѣрѣ въ XII вѣкъ. Не слишкомъ-ли поспѣшное заключеніе? За чѣмъ, во первыхъ, считать исходнымъ пунктомъ счета у Никиты кончину Игнатія? Событія, которыя у него разумѣются, память о которыхъ извращается и затемняется, начинаются, пропуская рожденіе и воспитаніе Игнатія, съ его возведенія на патріаршій престолъ въ іюнѣ 847 года, затѣмъ слѣдуетъ его низложеніе Вардою, возникшая борьба съ Фотіемъ, вся длинная трагическая тридцатилѣтняя исторія, протекшая на глазахъ уже новаго поколѣнія людей, сбиваемаго съ толку страстными распрями, разногласными опредѣленіями соборовъ; уже около 880—885 года, послѣ вторичнаго возшествія Фотія и его соборнаго оправданія, мнѣнія прежнихъ приверженцевъ Игнатія, людей приблизительно 50—лѣтняго возраста, колебались въ ту и другую сторону; съ точки зрѣнія вѣрныхъ ревнителей памяти почившаго, истина стала помрачаться, и нуждалась въ востановленіи, въ напоминаніи. Вотъ все, что хочетъ сказать авторъ. Одна рука написала все предисловіе отъ начала до конца, и ни малѣйшей нужды въ насильственной и совершенно безпо-

---

сано вскорѣ послѣ 877 года—для людей, которые считали собѣ тогда около 50 лѣтъ. Игнатій умеръ въ 877 г. восьмидесяти лѣтъ.

лезной операціи разсѣченія не представляется. Въ предисловіи совсѣмъ нѣтъ того, чего ищетъ А. И. Пападопуло.

Съ нѣкоторымъ бо́льшимъ подобіемъ права онъ находитъ себѣ опору въ концѣ сочиненія Никиты, въ заключительной части его. Связь изложенія здѣсь слѣдующая. Доведя разсказъ до смерти Игнатія († 877), Никита считаетъ необходимымъ сказать о чудесахъ, которыми Господь его прославилъ и еще прославляетъ; всѣхъ перечислять онъ не будетъ, ибо *это дѣло исторіи* (будущей ?) и не *можетъ быть задачею настоящаго времени*, а останавливается только на нѣсколькихъ. Всѣ чудеса, очевидно, относятся къ ближайшему времени, ничто въ будущіе вѣка не забѣгаетъ; одно засвидѣтельствовано клятвою современнаго стратига въ Сициліи, другое связано съ именемъ Фотія, вновь вступившаго на патріаршество. Въ слѣдъ за чудесами слѣдуетъ прямой вопросъ, которымъ открывается эпизодическая вставка: «Что̀ же рекомый Фотій?» Онъ нисколько не исправился и не измѣнился послѣ своего низложенія (въ 867 году); въ продолженіи десяти лѣтъ, когда былъ въ изгнаніи, онъ напрягалъ всѣ усилія ума своего, чтобы вновь вкрасться въ расположеніе царя (Василія); наконецъ это ему удалось — разсказывается въ позорномъ ненавистномъ видѣ—изобрѣтеніе тайно подсунутой бывшему конюху Василію генеалогіи, производящей его отъ древнихъ армянскихъ царей (Векласъ); обманувъ простодушнаго властителя, Фотій приблизился ко двору и т. д. На третій день по смерти Игнатія, онъ прямо занялъ патріаршій престолъ, и вскорѣ обнаружилъ свою разбойническую и тиранническую натуру, начинаются преслѣдованія и казни противниковъ. Особенно авторъ останавливается на мѣрахъ, которыми Фотій хотѣлъ упрочить свое положеніе и господство въ будущемъ своей партіи, раздавая высшія іерархическія мѣста своимъ друзьямъ, беззаконно благопріятствуя расширенію ихъ эпархій и т. д. Въ невѣрномъ, конечно, свѣтѣ, хотя и въ правильной хронологической послѣдовательности представлены отношенія къ папѣ Іоанну VIII, начавшіяся грубымъ, де, обманомъ...—Гнѣвъ Божій въ свою очередь не замедлилъ проявиться: 1) въ преждевременной смерти царскаго любимаго сына Константина 2) во взятіи Сиракузъ и завоеваніи всего острова Сарацинами.

«Но», прибавляетъ буквально авторъ (греческій текстъ приведенъ у г. Пападопуло на стр. 17-й) передавать въ раздѣльности всѣ новшества и беззаконія самого Фотія, *первоначальника* лицемѣровъ и крестопопрателей, а также всѣхъ *за тѣмъ его преемниковъ* и соучастниковъ

его властолюбія, *дѣло исторіи*, а не предлежащей нашей бесѣдѣ задачи»... «Мы же, прославляя безконечное долготерпѣніе и милость Господа всѣхъ, будемъ молиться, чтобы быть изъятыми отъ части (μερίδος) содѣвающихъ соблазны и раздѣленія (Фотіане) и сдѣлаться общниками наслѣдія святыхъ — молитвами ихъ и *новаго* по истинѣ исповѣдника богоноснаго Игнатія». Мы съ намѣреніемъ нѣсколько продолжили выписку, чтобы яснѣе выступилъ по крайней мѣрѣ въ самомъ концѣ современникъ Игнатія. Въ предыдущей части отрывка, само собою разумѣется, вниманіе и особенно воображеніе А. И. Пападопуло-Керамея было поражено всего сильнѣе словомъ «преемники». Тутъ, пожалуй, есть нѣкоторое основаніе къ недоумѣнію. Но, кажется, все дѣло заключается въ неловкости выраженія; разумѣются не преемники Фотія въ патріаршемъ достоинствѣ, ибо о смерти его ничего не сказано, напротивъ, онъ предполагается живущимъ виновникомъ раздѣленія, а преемники или лучше послѣдователи его въ лицемѣріи и крестопопраніи (выраженіе имѣетъ спеціальный смыслъ), такъ что реченіе «діадохъ» противополагается выраженію «первоначальникъ», разумѣются Фотіемъ рукоположенные епископы и митрополиты, среди которыхъ, конечно, можно было предусматривать и будущаго ему преемника въ санѣ. Во всякомъ случаѣ А. И. Пападопуло-Керамей идетъ уже очень быстро и далеко, шагая прямо въ XII вѣкъ. Онъ допускаетъ большую неточность, утверждая, что *всѣ* непосредственные преемники Фотія были правильно канонически поставленными патріархами и признавались такими со стороны римскаго престола, римскихъ папъ. Во первыхъ, за чѣмъ у него самого надъ всѣмъ господствуетъ предполагаемая римская точка зрѣнія? Раздѣленіе прежде всего касалось внутренняго мира самой Константинопольской церкви. Да и папы развѣ признавали непосредственнаго преемника Фотіева, юнаго патріарха Стефана? Развѣ изъ за возведенія на патріаршій престолъ этого постриженника Фотіева не возникла долгая и пренепріятная переписка у царя Льва и тогдашняго заправителя греческихъ церковныхъ дѣлъ, Стиліана, съ папскимъ престоломъ, такъ и не приведшая къ удовлетворительному результату? Развѣ теперь нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ, что только въ послѣдній годъ патріарха Антонія Кавлея удалось примиреніе съ Римомъ? А. И. Пападопуло-Керамей ссылается нѣсколько разъ на вновь открытое и изданное де-Бооромъ житіе патріарха Евѳимія, правда, не всегда точно передавая толкованія издателя, а въ данномъ случаѣ онъ совсѣмъ забылъ о новыхъ

данныхъ въ этомъ источникѣ относительно продолжительности схизмы, хотя факты вошли уже въ научный обиходъ и въ русскихъ сочиненіяхъ[1]). Если ему уже непремѣнно хотѣлось слово «діадохи» истолковать въ смыслѣ непосредственныхъ преемниковъ Фотія, то ему совсѣмъ не было нужды странствовать въ XII, даже XIII и XIV столѣтіи, а просто слѣдовало взять Стефана, сына царя Василія, и Антонія Кавлея ранѣе послѣдняго года его жизни († 12 февр. 901 г.); они оба тоже не признавались партіею Игнатіанъ, не признавались Римомъ, и могли почитаться наслѣдниками новшествъ Фотія. Это было бы согласно и съ другими предположеніями г. Пападопула о времени жизни Никиты Давида, о сочиненіи имъ пасквиля на царя Льва и патріарха Фотія.

Но принято думать, что у другихъ византійскихъ писателей гораздо болѣе раннихъ есть и свидѣтельства о существованіи житія патріарха Игнатія, написаннаго Никитою Пафлагонскимъ, есть и заимствованія изъ этого сочиненія. Все это оказывается чистѣйшимъ заблужденіемъ, пустымъ недоразумѣніемъ. Называетъ въ числѣ своихъ предшественниковъ и источниковъ Никиту Пафлагонскаго историкъ конца XI вѣка Скилицій (=Іоаннъ Ѳракисійскій), сочиненіе котораго отдѣльно издано пока только по латыни, а по гречески доступно въ обработкѣ Кедрина, цѣликомъ включившаго оное въ свою компиляцію Скилицій характеризуетъ трудъ Никиты какъ тенденціозное монографическое сочиненіе, имѣющее своею задачею *порицаніе* патріарха. Это очень идетъ къ житію Игнатія, въ которомъ оправданіе героя нераздѣлимо съ осужденіемъ Фотія. Нѣтъ, говоритъ г. Пападопуло-Керамей, тутъ не можетъ разумѣться житіе Игнатія, потому что главная его цѣль не порицаніе, а похвала патріарха, именно Игнатія. Нужно найти такое сочиненіе Никиты, которое такъ бы могло быть и озаглавлено «порицаніе патріарха». Такое сочиненіе по счастію недавно сдѣлалось извѣстнымъ: въ житіи патріарха Евѳимія, одного изъ ближайшихъ преемниковъ Фотія (послѣ Антонія Кавлея), разсказывается о какомъ-то Пафлагонянинѣ Никитѣ, сочинившемъ пасквиль на царя и патріарха, именно Евѳимія. Это и есть нашъ Никита Давидъ, это и есть писатель, упоминаемый Скилиціемъ, совсѣмъ, однако, неповинный въ порицаніи Фотія, и слѣдовательно въ сочиненіи той

1) Vita Euthymii. Ein Anecdoton zur Geschichte Leo's des Weisen. 886—912. Herausg. von C. de Boor. Berlin, 1888, стр. X. Ср. 97 и слѣд. Н. Поповъ, Императоръ Левъ VI Мудрый, Москва, 1892, стр. 78 и предыд.

редакціи житія Игнатія, какую мы имѣемъ. Что Скилицій совсѣмъ не зналъ нашего житія Игнатія, приписываемаго Никитѣ Пафлагонскому, это, де, доказывается и тѣмъ, что въ сочиненіи Скилиція въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нѣтъ и не отыскивается никакихъ признаковъ пользованія такимъ источникомъ. — Здѣсь цѣлый рядъ хитросплетеній, которыя весьма легко распутываются и разрушаются при сопоставленіи написаннаго съ подлиннымъ смысломъ того, что содержится въ текстѣ Іоанна Скилиція. Такъ какъ рѣдко кто даетъ себѣ трудъ вникать въ его слова, такъ какъ мы уже много разъ встрѣчались съ кривотолкованіями даннаго отрывка, весьма интереснаго въ историко-литературномъ отношеніи, такъ какъ даже у Гирша (Byzantin. Studien S. 360—361) смыслъ его передается слишкомъ свободно, то мы рѣшаемся воспользоваться случаемъ и представить почти полный переводъ всего фрагмента (за исключеніемъ самаго конца). Греческій текстъ приведенъ въ Боннскомъ изданіи Кедрина въ примѣчаніи внизу первой страницы перваго тома.

Скилицій указываетъ прежде всего на то, что для болѣе древняго времени есть прекрасное историческое руководство, именно то, которое начато Георгіемъ Синкелломъ и продолжено исповѣдникомъ Ѳеофаномъ, представляя въ совокупности всю исторію отъ сотворенія міра до смерти преемника Ирины, царя Никифора (811).

«Послѣ него (послѣ Ѳеофана) никто не посвящалъ своихъ трудовъ подобной задачѣ. Нѣкоторыя попытки были сдѣланы сицилійскимъ дидаскаломъ и еще нашимъ современникомъ княземъ философовъ высокопочтеннымъ Пселломъ, но они брались за дѣло съ небреженіемъ и потому относительно точности весьма ненадежны, очень многое важное они пропускали; въ концѣ концовъ они оказались безполезными для послѣдующихъ читателей, оставивъ одно перечисленіе царей и указавъ, кто послѣ кого получалъ скипетръ, а больше ничего; даже это исполнивъ неосмотрительно, они принесли читателямъ не столько пользу, сколько вреда». Сицилійскій дидаскалъ — это въ другой редакціи Георгій Амартолъ, дѣйствительно составитель общаго историческаго компендія, но характеристика его, очевидно, преувеличена въ худую сторону, точно также какъ и характеристика историческаго труда Михаила Пселла, только въ послѣдней части сбивающагося на простое перечисленіе смѣняющихся правителей, а въ началѣ и срединѣ имѣющаго видъ личныхъ мемуаровъ. — Вотъ одинъ

разрядъ писателей; слѣдуетъ другой: то были составители общихъ обозрѣній, теперь слѣдуютъ авторы монографій.

«А Θеодоръ Дафнопатъ и *Никита Пафлагонъ*, Іосифъ Генесій и Мануилъ византіецъ (т. е. жители столицы), Никифоръ діаконъ фригіецъ, Левъ Азійскій (у Кедрина — изъ Каріи, то есть Левъ діаконъ, историкъ войнъ Цимисхія), Θеодоръ, достигшій архіепископства въ Сидѣ и его одноименный племянникъ, управлявшій Севастійскою церковью, кромѣ того Димитрій Кизическій и Іоаннъ Лидійскій, поставивъ себѣ каждый свою особую задачу — одинъ восхваленіе царя, другой *порицаніе патріарха*, еще другой похвалу друга, и каждый исполнивъ свою цѣль въ формѣ историческаго сочиненія, далеко не достигли высоты замысла названныхъ ранѣе мужей (Георгія и Θеофана); они пространно *излагаютъ въ своихъ исторіяхъ* то, что случилось въ ихъ время и немного раньше,—одинъ съ сочувствіемъ, другой съ неодобреніемъ, третій какъ ему было приказано, разноглася другъ съ другомъ въ своемъ повѣствованіи и поселяя въ читателяхъ чувство тошноты и смущенія. Мы же, ознакомившись съ трудами названныхъ писателей, предположили, что любителямъ историческаго писанія, въ особенности тѣмъ, которые предпочитаютъ болѣе доступное трудному, принесетъ значительную пользу наиболѣе общій историческій обзоръ событій (въ подлинникѣ «Синопсисъ»), дающій самое сжатое понятіе о случившемся въ различныя времена и освобождающій память отъ обремененія подробностями (мемуаровъ). Согласно съ этимъ, весь историческій матеріалъ, содержащійся въ вышеуказанныхъ историческихъ сочиненіяхъ, я (переработалъ и) сжалъ въ точную форму, а сказанное пристрастно или изъ угожденія съ осторожностью устранилъ, различія и разногласія опустилъ, а также изгладилъ все то, что находилъ близко подходящимъ къ баснословію, наконецъ — сохранилъ только соотвѣтствующее цѣли и что было близко къ вѣроятному, прибавивъ сверхъ того, что узналъ изъ ненаписаннаго отъ старыхъ людей; и все это бѣгло обозрѣвъ, я оставилъ позднѣйшимъ легкую и, какъ говорится, хорошо смолотую пищу». Вотъ принципы нашего автора; онъ надѣется, что благодаря имъ, сочиненіе его будетъ одинаково полезно какъ для начинающихъ, такъ и для тѣхъ, которые уже успѣли ознакомиться со спеціальными монографическими трудами.

Сличая подлинныя слова Скилиція съ разъясненіями и умствованіями автора предложенной статьи, мы замѣчаемъ слѣдующее: у

Скилиція Никита Пафлагонскій стоитъ въ числѣ хорошо извѣстныхъ наиболѣе распространенныхъ и популярныхъ писателей историческихъ; онъ написалъ настоящее историческое сочиненіе, хотя и тенденціозное, хотя обнимающее только извѣстный періодъ, подобно Дафнопату, который считается авторомъ послѣдней части продолженія Ѳеофана, обнимающей царствованія Константина Багрянороднаго и его сына Романа II, подобно Іосифу Генесію, который занимался временемъ отъ Льва Армянина до смерти Василія Македонянина, подобно Мануилу, который до насъ не дошелъ, но прославлялъ подвиги Іоанна Куркуаса, знаменитаго полководца при Романѣ I (*Theophan. Contin.* p. 427 Bonn. Hirsch, Byzant. Stud. S. 361). Имена наиболѣе важныхъ столичныхъ историческихъ писателей поставлены у Скилиція въ слѣдующемъ порядкѣ: Ѳеодоръ Дафнопатъ, Никита Пафлагонскій, Іосифъ Генесій, а характеристики въ такомъ: одинъ писалъ восхваленіе царя — это нужно думать, Ѳеодоръ Дафнопатъ, другой «порицаніе патріарха» это, приходится полагать, Никита Пафлагонскій, третій — похвалу друга; это идетъ къ Генесію, въ исторіи котораго выдающуюся и всегда выгодную роль играетъ какой-то Константинъ Армянинъ. Одинъ изъ послѣдующихъ византійскихъ историческихъ писателей сдѣлалъ догадку, что это былъ отецъ Генесія (Georg. mon. Muralt, p. 447 cod. Vatic.), а Скилицій довольствуется, повидимому, догадкою, что это былъ его другъ. Нельзя, однако, предполагать, что сочиненіе Никиты носило заглавіе *«порицаніе патріарха»*; иначе мы обязаны были бы думать, что византійцы вообще откровенно въ надписаніи сочиненія обнаруживали свои литературныя намѣренія — лести или порицанія; одинъ заявлялъ бы: «хочу восхвалить царя и для того пишу исторію», другой «у меня цѣль — прославить друга» и для того принимаюсь за историческую работу и т. д. Да и Скилицій сообщаетъ, что порицаніе патріарха — только скрытая тенденція, а форма — настоящее историческое повѣствованіе, которое можно сопоставить съ трудомъ Генесія и Дафнопата. Очевидно, это было общеизвѣстное сочиненіе, находившее широкое обращеніе въ публикѣ, а не какой-то памфлетъ, а еще скорѣе пасквиль, о которомъ говорится въ новооткрытомъ житіи патріарха Евѳимія, и который теперь выдвигается А. И. Керамеемъ, какъ сочиненіе, подразумѣваемое у Скилиція. Пасквиль этотъ едва-ли когда былъ изданъ въ свѣтъ; самому царю Льву, противъ котораго прежде всего былъ направленъ, онъ представленъ былъ въ рукописи, тайно похищенной

у злосчастнаго автора, тоже носившаго имя Никиты Пафлагона. Чтобы это былъ тотъ самый Никита, имя котораго стоитъ въ заглавіи житія патріарха Игнатія — это вовсе не доказано; а напротивъ, очень сомнительно. Напрасно А. И. Пападопуло-Керамей ссылается на де-Боора, какъ на своего въ этомъ отношеніи единомышленника. Въ концѣ концевъ нѣмецкій ученый, тщательно изучившій всѣ вопросы, касающіеся открытаго имъ драгоцѣннаго памятника, приходитъ къ заключенію, что, не смотря на одинаковость именъ, игнатіанца Никиту (порицателя Фотія) нужно отличать отъ выросшаго съ фотіанскихъ убѣжденіяхъ въ силу того порицателя Евѳимія и защитника Николая, ученика и ревностнаго послѣдователя Фотія[1]). Наконецъ пожалѣемъ о совершенно напрасномъ и лишнемъ трудѣ, который далъ себѣ и читателямъ А. И. Пападопуло-Керамей длинными выписками, долженствующими доказать, что Скилицій совсѣмъ не пользовался житіемъ Игнатія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разсказывалъ, о соотвѣтствующихъ событіяхъ — не пользовался, значитъ, не зналъ этого сочиненія. Совершенно несправедливо. Самъ Скилицій предупредилъ насъ, что хотя онъ и читалъ сочиненіе Никиты Пафлагонскаго, однако не будетъ имъ пользоваться, во первыхъ потому, что излишнихъ для своего плана подробностей избѣгаетъ, а во вторыхъ потому, что вообще остерегается тенденціозно окрашенныхъ, пристрастныхъ разсказовъ. Продолжатель Ѳеофана болѣе подходилъ къ его задачамъ, вотъ и все... Сочиненіе Никиты о житіи Игнатія отлично могло существовать, не смотря на то, что не всякій хотѣлъ имъ пользоваться.

Еще гораздо ранѣе Скилиція дошедшею до насъ редакціею житія патріарха Игнатія пользовался историкъ Генесій, о которомъ уже и ранѣе была рѣчь. Но это общепринятое положеніе стоитъ поперегъ дороги, на которую вступилъ нашъ сотрудникъ А. И. Пападопуло-Керамей. Онъ его устраняетъ, и очень легко. Генесій заимствуетъ два мѣста, которыя обличаютъ родство съ житіемъ Игнатія, вовсе не у Никиты, а у продолжателя Ѳеофана, у котораго читается тоже самое, да еще съ болѣе буквальнымъ сходствомъ. Прекрасно; но не спрашивая пока о томъ, откуда у продолжателя Ѳеофана взялось сходство съ житіемъ Игнатія, припомнимъ, что тутъ есть маленькое

1) S. 195. Allein der Annahme der Identität beider Persönlichkeiten stehen gewichtige Bedenken gegenüber... S. 196. Trotz der Gleichheit des Namens und der Heimath glaube ich somit, dass wir Ignatianer Nicetas von dem in photianischen Anschauungen gross gewordenen Vertheidiger Nicolaus zu unterscheiden haben.

затрудненіе: Генесій несомнѣнно писалъ ранѣе продолжателей Θеофана, такъ обыкновенно называемыхъ; какъ же онъ заимствовалъ у позднѣйшаго автора? А что Генесій былъ первый, взявшійся за продолженіе повѣствованія, на которомъ остановился Θеофанъ исповѣдникъ, объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ краткомъ предисловіи къ своему труду. Онъ писалъ — прибавилъ для осторожности: *преимущественно* — на основаніи устнаго преданія, взялся за трудъ по приказанію царя Константина Багрянороднаго, задачею его было изложить событія отъ воцаренія Льва Армянина, *не бывшія дотолѣ предметомъ связнаго историческаго изложенія въ одной книгѣ* (ὡς ἂν τὰ μὴ παραδοθέντα βίβλῳ τῇ ἱστορούσῃ). Судя по всѣмъ даннымъ, царь Константинъ имѣлъ много основаній быть недовольнымъ произведеніемъ Генесія: оно должно было показаться скуднымъ по содержанію, тяжелымъ по изложенію, а главное — въ немъ правленіе Михаила III, сына Θеофила, не было еще предано тому позору, въ какомъ его слѣдовало выставить въ интересахъ новой династіи и въ оправданіе ея основателя, Василія Македонянина. Вотъ почему явилось новое продолженіе Θеофана, начинающееся съ того же пункта, какъ и Генесій, сборный трудъ, начатый по порученію того же императора Константина Багрянороднаго, продолженный при его преемникахъ, центральную часть котораго составляетъ повѣствованіе о жизни и дѣяніяхъ Василія, написанное самимъ Константиномъ, его внукомъ, какъ это обозначено въ заглавіи этой части. Предыдущая часть, правленіе Михаила, написана другимъ лицемъ, но безъ сомнѣнія подъ руководствомъ самаго царя, который, нужно думать, и сообщилъ редактору нужные матеріалы, заранѣе приготовленные и отчасти уже обработанные Генесіемъ. Новый редакторъ не нашелъ побужденій гнушаться трудомъ своего предшественника, иное заимствовалъ у него буквально, но другое измѣнилъ и все умножилъ новыми эпизодами и подробностями. Указаніе на бо́льшее сходство у Генесія съ продолжателемъ Θеофана при такомъ положеніи дѣла отзывается даже наивностью. Помимо указанныхъ въ греческой статьѣ двухъ мѣстъ, у продолжателя Θеофана есть и другія, взятыя изъ Генесія; отчасти они обнаруживаютъ свое происхожденіе появленіемъ на сцену излюбленнаго послѣднимъ Константина армянина. Итакъ Генесій доказываетъ существованіе современной редакціи житія Игнатія въ X вѣкѣ.

Слѣдуетъ-ли идти дальше, то есть есть-ли нужда разбирать другіе

аргументы нашего почтеннаго сотрудника? Онъ мимоходомъ касается хроники Симеона магистра. Здѣсь мы находимъ прежде всего несправедливый упрекъ Гиршу, что онъ одинъ и тотъ же расказъ Симеона о заключеніи низложеннаго Игнатія въ гробницѣ Копронима сводилъ къ двумъ источникамъ и къ Никитѣ Пафлагонскому и къ Генесію: Гиршъ здѣсь считаетъ источникомъ Генесія, которымъ лже-Симеонъ Метафрастъ много пользовался наравнѣ съ другими хрониками (S. 327); заимствованнымъ прямо изъ Никиты онъ считаетъ (S. 332) только продолженіе о пребываніи Игнатія на островѣ Теверинѳѣ и о сокрушеніи челюстей Лалакономъ, что̀ ранѣе встрѣчается только въ житіи Игнатія, а по аналогіи съ этимъ и другой отдѣльно стоящій разказъ о фиктивной генеалогіи — Векласъ (pag. 609), повторяющійся у лже-Симеона въ нѣсколько свободной переработкѣ. Что̀ на это замѣчаетъ А. И. Пападопуло-Керамей? Нѣчто весьма странное. Первый разказъ представляетъ въ хроникѣ Симеона простую вставку позднѣйшаго времени, ибо стоитъ внѣ хронологической связи, очень хорошо соблюдаемой въ хроникѣ Магистра. На самомъ дѣлѣ хроника Магистра есть образецъ хронологической путаницы, на которую плакались всѣ, кто имѣлъ съ нею дѣло (Ср. Hirsch S. 345—347: Die Jahre also, welche Symeon angiebt, stimmen niemals mit den wirklichen Jahren). «*Векласъ*» считается заимствованнымъ у Никиты Пафлагонскаго только вслѣдствіе ложнаго убѣжденія Гирша въ раннемъ происхожденіи житія Игнатія, въ наличномъ его существованіи ранѣе XIV вѣка, а теперь будто бы такое заблужденіе должно исчезнуть. Значитъ, и это вставка въ хроникѣ Магистра Симеона, заимствованная изъ какого-нибудь древняго неизвѣстнаго намъ житія патріарха Игнатія, а пожалуй, изъ теперешней лже-Никитовской редакціи. Только въ первоначальномъ изданіи хроники этого не должно было читаться... Во всякомъ, де, случаѣ хроника Симеона, какъ это видно изъ Боннскаго изданія, есть нѣчто проблематическое и только древность и сравненіе извѣстныхъ ея списковъ можетъ руководить въ познаніи происхожденія прибавленныхъ въ ней главъ противъ Фотія. — Изслѣдователю какъ будто остались неизвѣстными всѣ новѣйшія сообщенія (послѣ Гирша) о Парижской рукописи № 1712, содержащей безъимянную хронику отъ сотворенія міра, по недоразумѣнію названную хроникою магистра Симеона Метафраста. У Гельцера (Gelzer, Julius Africanus und die byzantinische Chronographie 11 (Leipzig, 1885), S. 280 und folg.) дана характеристика и первой ея части, доселѣ ненапечатанной: отсюда видно, что

это былъ самый неразборчивый компиляторъ, собиравшій свои матеріалы отовсюду и преимущественно падкій на все апокрифическое, анекдотическое, баснословное. Единственная доселѣ извѣстная рукопись Гельцеромъ относится къ XIII вѣку, а еще новѣйшимъ изслѣдователемъ на основаніи опредѣленныхъ палеографическихъ признаковъ къ XII-му (*Praechter*, Byzantin. Zeitschr. V (1896) S. 487). Составлена она, нужно думать, еще нѣсколько ранѣе, если не въ X-мъ вѣкѣ, то въ XI-мъ. Особыхъ выдающихся вставокъ въ ней никогда не было, потому что она сплошь состоитъ изъ вставокъ съ самаго начала; въ данномъ періодѣ, то есть въ IX вѣкѣ, она весьма удобно разлагается на свои составныя части, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ хроника Логоѳета, затѣмъ продолжатели Ѳеофана, Генесій и относительно Фотія, помимо житія Игнатія Никиты Пафлагонскаго, какой-то особенно богатый резервуаръ клеветы и злорѣчія, носящихъ признаки злокачественной болтовни современниковъ монашескаго и мірскаго чина, болтовни все-таки небезпредметной, не отвлеченной, а внимательно слѣдящей за событіями, и отлично извращающей ихъ характеръ, мотивы и цѣли дѣйствующихъ лицъ. Не XIII или XIV вѣка это дѣло.

Съ Гликою А. И. Пападопуло-Керамей расправляется тоже очень просто и очень круто; у этого писателя находятъ (Гиршъ) заимствованія изъ Никиты Пафлагонскаго, изъ житія Игнатія, но Глика жилъ, вѣдь, въ XII вѣкѣ, посему такихъ заимствованій допустить, де, нельзя. Слѣдуетъ рядъ совершенно праздныхъ предположеній; многое даже прямо невѣрно. Какъ можно утверждать, что всѣ древнѣйшіе хронографы до XII вѣка, до Глики и Манасси, были благорасположены къ памяти Фотія? Да хотя бы Генесій (pag. 102), называющій *истиннымъ* патріархомъ Игнатія, а Фотія *лжеявленнымъ* (ψευδοφανοῦς), считающій клиръ послѣдняго—*гнуснѣйшимъ* и т. д. Вѣрнѣе было бы сказать, что нѣтъ ни одного хронографа изъ древнѣйшихъ, который прямо стоялъ бы на сторонѣ Фотія. И понятно, почему. Всѣ эти хронографы имѣютъ довольно узкій, ограниченный — либо придворный, либо церковный кругозоръ, о ходѣ міровыхъ событій, даже о дѣлахъ болгарскихъ, они не имѣютъ почти никакихъ свѣдѣній, и знаютъ только одно — первородный, непоправимый грѣхъ Фотія, что онъ занялъ мѣсто праведника и подвижника, мученика, насиліемъ низложеннаго, преслѣдуемаго порочнымъ представителемъ свѣтской власти. При томъ тотъ праведникъ былъ защитникомъ самостоятельности церков-

ной власти и ея преимущества предъ свѣтской, а Фотій защищалъ только самобытность одной церкви предъ другою, греческой отъ далекой римской... Что онъ былъ геніальный человѣкъ и великій ученый, это ему только вредило въ глазахъ посредственности — особенно пишущей.

Итакъ доказано (?), что текстъ житія Игнатія гораздо позже *десятаго* вѣка; является естественный вопросъ, почему же онъ носитъ имя писателя этой эпохи. Не написалъ-ли въ самомъ дѣлѣ Никита Пафлагонъ похвальнаго жизнеописанія св. Игнатія, и не передѣлалъ-ли онаго кто-нибудь другой намѣренно въ иной видъ, исказивъ, умноживъ, приноровивъ по вкусамъ и желаніямъ *греко-унитовъ*, τῶν ἑλλήνων οὐνιτῶν: рѣчь держитъ А. И. Пападопуло-Керамей, который знаетъ такихъ и въ XII вѣкѣ? Нѣтъ достаточныхъ основаній, отвѣчаетъ онъ-же, принять такую идею; оставались бы все таки затрудненія, такъ какъ въ извѣстной намъ біографіи Игнатія хотя выдѣляются въ самомъ дѣлѣ очень обширные куски какой-то древней и правдивой жизни Игнатія, однако, они по языку и выраженію не имѣютъ никакого отношенія къ языку другихъ извѣстныхъ сочиненій Никиты; тѣмъ не менѣе несомнѣнно въ текстѣ извѣстнаго намъ житія проявляется то, что обыкновенно наблюдается въ поддѣлкахъ. Виновникъ здѣсь самъ себя уличаетъ во лжи: съ одной стороны онъ *дважды* ясно обозначаетъ эпоху, въ которую самъ жилъ, то есть послѣ ряда *преемниковъ* (діадоховъ) патріарха Фотія во времена забвенія добродѣтелей Игнатія и сгущенія невѣдѣнія о дѣлахъ Фотія, за тѣмъ этотъ самый біографъ, забывъ о своихъ такихъ ясныхъ показаніяхъ, представляетъ себя живущимъ въ самыя времена Игнатія и Фотія. Такъ въ разказѣ о соборѣ 869—870 годовъ онъ утверждаетъ, будто слышалъ отъ его членовъ, что низложеніе Фотія было подписано на немъ кровію Христа; и опять въ другомъ мѣстѣ — — біографъ, говоря о нѣкоторыхъ каррикатурахъ (на Игнатія) Григорія Сиракузскаго, совершенно неизвѣстныхъ хронографамъ, но пущенныхъ въ ходъ, повидимому, между 861—867 годами, выдаетъ себя за очевидца ихъ, прибавляя: «я бы о нихъ совершенно умолчалъ, если бы не видѣлъ, что творцы ихъ, а также близкіе къ виновникамъ лица не только не скрывались, но даже хвалились своимъ дѣломъ». Возвращаясь къ началу, авторъ статьи заявляетъ, что верхъ дерзости все-таки заключается въ предисловіи, гдѣ въ одно и тоже время говорится о сгустившемся облакѣ невѣдѣнія и о томъ, что Игнатій жилъ «въ эти

послѣдніе и даже близкіе къ намъ годы» (πρὸς ἐσχάτοις καὶ τοῖς καθ' ἡμᾶς τούτοις καιροῖς).

Итакъ, больше тѣхъ двухъ обмолвокъ, да и то еще сомнительныхъ, указывающихъ на позднѣйшую эпоху написанія житія Игнатія, какія были нами приведены и разъяснены въ началѣ, А. И. Пападопуло и теперь ничего не нашелъ; съ напраснымъ паѳосомъ онъ продолжаетъ ихъ противопоставлять открывающимся признакамъ — по его мнѣнію ложнымъ — современности разказа событіямъ. Послѣднихъ признаковъ можно было бы отыскать гораздо больше, чѣмъ собрано въ разбираемой статьѣ[1]). На нашъ взглядъ, скорѣе можно сказать, что здѣсь всякая почти страница, каждая выходка обличаетъ современника — страстнаго, лично-раздраженнаго, несправедливаго, но искренняго, а главное—очень близко стоявшаго къ лицамъ и дѣламъ, отлично удержавшаго въ памяти хронологію событій, разныя мелочи и подробности, какихъ послѣ никакъ нельзя было придумать никакому полемисту-теологу, если бы онъ напалъ на мысль доказывать свою идею извращеніемъ прошлаго. Если житіе Игнатія не принадлежитъ Никитѣ Пафлагонскому и есть поздній подлогъ, то это есть геніальное произведеніе.

Пападопуло-Керамей не кончаетъ изслѣдованія указаніемъ фальшивыхъ признаковъ современности въ житіи Игнатія. Онъ сознаетъ за собою обязанность тщательнаго и подробнаго анализа источниковъ, при помощи которыхъ работалъ фальсарій; но эту сложную и, прибавимъ, совершенно безнадежную задачу онъ откладываетъ до будущаго времени. По намекамъ, какіе теперь у него прорываются, нужно думать, что источниковъ житія онъ будетъ искать въ хроникахъ, что̀ было бы совершенно противоестественно; именно хроники представляютъ въ большинствѣ случаевъ мозаичную работу, а напротивъ житіе патріарха Игнатія обличаетъ—если не какую другую цѣлостность, то уже во всякомъ случаѣ цѣлостность настроенія и цѣлостность литературную. Правда, и послѣднюю отрицаетъ почтенный Аѳ. Ив. Пападопуло, конечно, обладающій условіями, которыя даютъ ему способность болѣе живо понимать и чувствовать возможныя тутъ неровности и тонкія различія въ складѣ греческой рѣчи. Его наблю-

1) Одинъ примѣръ, приведенный въ срединѣ у Пападопуло-Керамея, мы намѣренно пропустили, такъ какъ тутъ рѣшительное во всемъ недоразумѣніе: и въ передачѣ смысла сдѣланнаго на соборѣ постановленія и въ разсужденіяхъ о его непризнаніи и признаніи въ разныя эпохи.

денія даютъ ему право утверждать, что здѣсь—въ мнимомъ произведеніи Никиты Пафлагона — ощущается по мѣстамъ большая разница въ искусствѣ изложенія, въ языкѣ, слогѣ и стилѣ рѣчи, то болѣе изящной и плавной, то неправильной и грубой. Признаемся, что мы такихъ оттѣнковъ не чувствовали при чтеніи предложеннаго произведенія, да и къ показаніямъ болѣе къ тому способнаго наблюдателя, настроеннаго сколько-нибудь тенденціозно, не могли бы относиться съ полнымъ довѣріемъ. Теперь А. И. Пападопуло-Керамей клонитъ рѣчь свою уже къ тому, что въ житіи, какъ цѣломъ литературномъ произведеніи, можно и далжно отличать *двѣ руки*, *двухъ сочинителей* одного въ самомъ дѣлѣ древняго, другаго позднѣйшаго; первый не только былъ горячимъ приверженцемъ Игнатія, но и къ Фотію былъ расположенъ, по крайней мѣрѣ не говорилъ о немъ ничего худаго, а второй—все благопріятное Фотію нарочно переиначивалъ въ дурную и позорную сторону; впрочемъ, кое-что онъ вырвалъ у своего предшественника и включилъ въ свой разсказъ въ видѣ сплошныхъ кусковъ или отрывковъ. Вотъ далѣе пріемъ, какой намъ предлагается для отличенія пшеницы отъ мякины. Въ одной главѣ прославляются высокія умственныя дарованія Фотія и его необычайная ученость; но при этомъ слѣдуетъ оговорка, что все было испорчено тщеславіемъ и духовною гордостью лица. Первая часть главы принадлежитъ древнему автору, другая—второму позднѣйшему. Но это уже слишкомъ просто и совсѣмъ не походитъ на историческую или какую другую критику. На двухъ дальнѣйшихъ примѣрахъ все-таки слѣдуетъ остановиться. Въ одномъ случаѣ А. И. Пападопуло приписалъ патріарху Игнатію не только тѣ два восклицанія, которыя влагаются въ его уста повѣствователемъ, авторомъ житія, но и половину размышленія, которымъ Никита сопровождаетъ эти восклицанія[1]): получается нелѣпость, которая и ставится въ доказательство двойственности. Въ другомъ случаѣ противорѣчіе устанавливается слѣдующимъ способомъ. Въ житіи разсказанъ эпизодъ приглашенія Игнатія, уже низложеннаго съ престола, на соборъ: такъ какъ выборъ облаченія, въ какомъ слѣдовало явиться, былъ предоставленъ его усмотрѣнію, то 1) Игнатій идетъ въ архіерейской одеждѣ, 2) но на дорогѣ отъ имени царя Василія ему приказано надѣть простую монашескую, 3) однако

1) Ср. выше въ статьѣ г. Пападопуло стр. 36. Справедливость нашего замѣчанія будетъ очевидна для всякаго, кто обратитъ вниманіе на положеніе союзовъ μὲν—δέ въ текстѣ Никиты.

же, здѣсь на соборѣ, кончаютъ тѣмъ, что рѣшаютъ еще разъ совершить надъ несчастнымъ старцемъ обрядъ низложенія съ цѣлію поруганія и для того снова надѣваютъ на него хотя убогую и затасканную, но все-таки (архи)іерейскую одежду, которую съ позоромъ тутъ же и срываютъ съ его плечъ. Упустивъ почему-то изъ виду одно изъ переодѣваній, г. Пападопуло-Керамевсъ легко уличаетъ существующій текстъ житія въ несообразности и двойственности. Зачѣмъ было облачать въ архіерейскую одежду, когда Игнатій самъ надѣлъ такую? Но, вѣдь на дорогѣ произошла перемѣна.

Нѣтъ, такимъ способомъ ничего нельзя достигнуть — ни доказать подложность житія Игнатія, ни посрамить кардинала Гергенрётера, который вѣдь тоже не всегда довѣрялъ Никитѣ, хотя и довѣрялъ бóльше, чѣмъ слѣдовало. Для приближенія къ искомой православной истинѣ существуютъ болѣе надежные пути критическаго изученія и они уже съ большею или меньшею отчетливостью указаны — хотя бы въ двухъ сочиненіяхъ русской духовной литературы. Мы разумѣемъ трудъ покойнаго профессора церковной исторіи въ Московсковъ университетѣ А. М. Иванцова Платонова «Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ» (СПБ. 1892; печаталось первоначально въ журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія), и книгу его преемника по каѳедрѣ, проф. Алексѣя Петр. Лебедева «Исторія Константинопольскихъ соборовъ IX вѣка (861—880 гг. Москва, 1888), который хотя и излагалъ главнымъ образомъ по Гергенрётеру, но сдѣлалъ все-таки нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ значенія и направленныхъ именно къ защитѣ Фотія противъ показаній Никиты Пафлагонскаго, считаемаго, само собою разумѣется, современнымъ авторомъ жизнеописанія Игнатія.

В. Васильевскій.